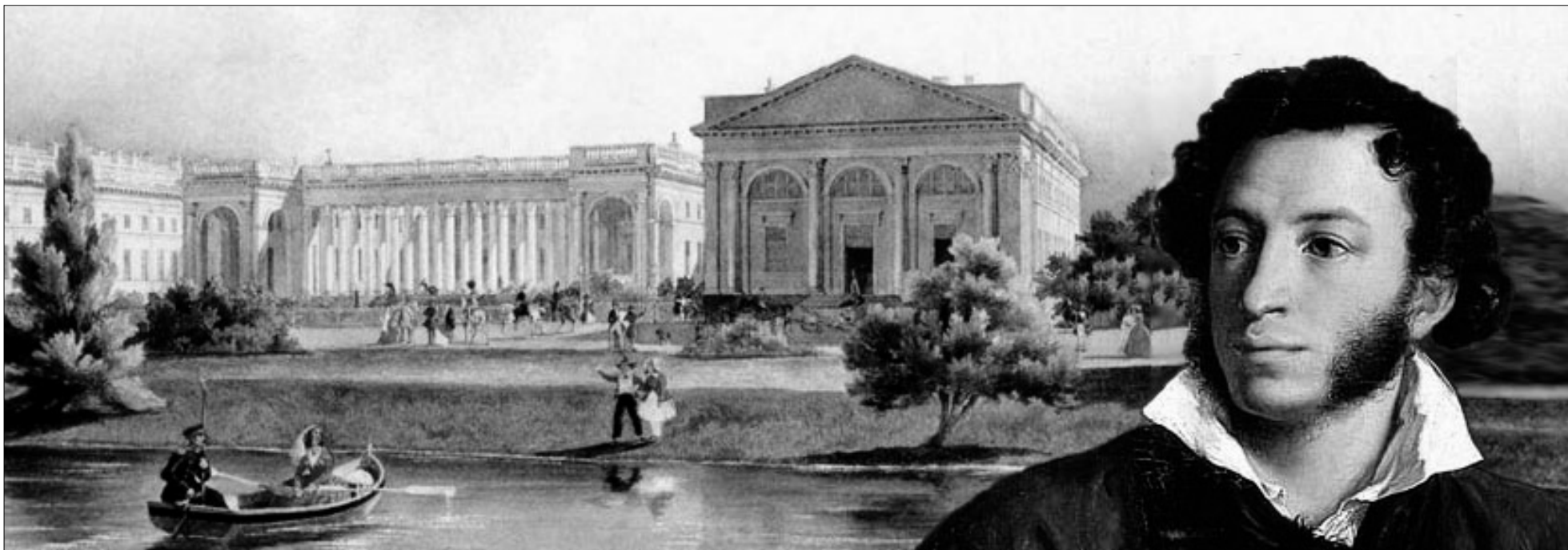

ОБЛИК КАВКАЗА В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИИ И УКРАИНЫ

Обстановка последних лет говорит, помимо прочего, о фатальном непонимании средним европейским и американским обывателем культурного многообразия России как евразийской цивилизации, – моста между Западом и Востоком. Черту эту открыл России, Европе, – а впоследствии, и Востоку, именно Пушкин, одним из первых обратившийся к теме Кавказа.

Сейчас можно утверждать, что пушкинская разработка этой темы в принципе опережала не только своё время (1830-е годы), но фактически и представления века XX.

Что же даёт нам возможность так говорить? И на основании каких примеров? Созданные Пушкиным разработки кавказских сюжетов выходят за рамки собственно его эпохи, определив собой эталон, принятый Россией для восприятия народов иных религий и культур.

Уже в «Кавказском пленнике» внимание Пушкина сосредотачивается на внутреннем, чисто человеческом, душевном контакте представителей разных религий, оно проникнуто искренним желанием понять культуру и среду ислама. Только Пушкину было свыше дано понять с необыкновенной ясностью роль межкультурных и межрелигиозных препятствий – вместе с возможностью сближения народов между собой в формах светской культуры, противостоящих фанатизму и дикости. Величайший поэт России ощущал трагедию межконфессиональных преград с далеко опережающей свою эпоху остротой. Это же настроение разделялось впоследствии и Лермонтовым, и Львом Толстым – в «Бэле» и «Споре», «Валерике» и «Хаджи Мурате». Три гения русской культуры закономерно и органично вошли в культурный код всех народов Северного и Южного Кавказа. Эталон, созданный Пушкиным и развитый ими, сейчас видится нами в особенно ярком свете на фоне трактовок, которые не принадлежали уже и собственно русской литературе.

Перемещаясь в обстановку времени кавказской кампании 1830-1860-х годов, нужно иметь в виду некую отдалённость событий на Кавказе от интересов и образованного слоя русских граждан, сформированных николаевским царствованием.

Даже читатели изданий Герцена, следившие за либерально-республиканским и националистическим пафосом «весны народов», т.е. европейских революций 1848 года, полагали пребывание русских войск на Кавказе бессмысленной и вредной авантюрой пережившего свой век монархического режима. Радикальные круги русской читающей молодёжи не могли не приветствовать любое антимонархическое литературное выступление.

Обстоятельства такого рода вели к тому, что люди круга Чернышевского, Добролюбова и Некрасова не всегда оказывались способны различать оттенки антимонархического настроения, высказывавшегося в намеренно заостренных публицистических формах. Например, образ ушедшего из жизни Тараса Шевченко в одноимённом стихотворении Некрасова окружён трагическим ореолом таланта, борющегося за освобождение народа и загубленного безжалостной военномонархической машиной.

Политически оппозиционные идеи сопутствовали образам Кавказа у многих русских литераторов демократического направления. Статья Добролюбова о «Кобзаре» Тараса Шевченко и принадлежит, прежде всего, своему времени. Она пронизана восхищением перед самим фактом деревенского происхождения автора сборника как «поэта совершенно народного, такого, какого мы не можем указать у себя». Автобиография Шевченко занимает едва ли не треть этой рецензии Добролюбова. В духе настроений и иллюзий 1860-х годов пронизательный во всех иных случаях аналитик, оставивший ясный профиль Пушкина и классическую трактовку пьес А. Н. Островского, видит значительную заслугу украинского поэта даже в сочувственном изображении деревенских национальных предрассудков в

поэме «Гайдамаки». «Он, – невозмутимо комментирует Добролюбов, – не отступил, например, перед изображением того случая, как гайдамацкий герой Гонта убивает своих малолетних детей, узнав, что их сделали католиками в иезуитском коллегииуме; он долго останавливается над этим эпизодом и с любовью рисует последствия и подробности убийства». Позднее эпизод, о котором повествует Добролюбов, к слову сказать, приводил в ужас В. Г. Короленко в его гимназические годы. Реакция на эту поэму некоторых ее слушателей дала ему предельный урок уважения к людям иных культур и религий...

Итоговая книга Г. Г. Гамзатова, однако, имя Т. Г. Шевченко неожиданно также упоминает в ряду русских писателей. Некрасовская традиция неразличения тонов в силу её народнического пафоса, продолжалась, таким образом, и литературной наукой советской поры.

Из всего сказанного можно понять, почему (и по какой причине!) условные картины Кавказа в одноимённой поэме украинского классика 1845 года и, к тому же, как будто единомышленника Некрасова, – это оперная декорация и плакат со вполне определённым смыслом.

В этой декорации, обрисованной в поэме Шевченко, Россия предстаёт пространством пустоты и сибирского холода. Там маршируют толпы безликих фигур-автоматов и действует запущенный царями глухой ко всякому чувству механизм государственного церковного лицемерия, коварно подменившего живую веру. С тем же коварством там лишаются свободы все народы империи «от молдованина до фина», – и только народы Кавказа, гордые своими «чуреком и саклей», осмеливаются этому противостоять.

Вообще говоря, кавказские народы присутствуют в созданной украинским классиком поэме о Кавказе лишь в качестве статистов без слов, иллюстрирующих относившуюся к кавказским событиям прямолинейную и чисто политическую концепцию европейской прессы середины 1840-х годов. В этом русле написано, напри-

мер, знаменитое в литературе Венгрии стихотворение Шандора Петефи «1848». Этой концепции в своё время не были чужды и основоположники марксизма.

Что и замысел, и подход Шевченко здесь не предусматривают интереса к культуре других народов и существенно отличаются от разработки темы Кавказа русскими писателями, можно вывести из трагедии героя поэмы – друга автора, погибающего на чужой и непонятной войне и испившего из московской чаши московскую отраву, как и из обращённой к России в целом единственной детали вот такого рода:

Продаём
Або у карти програем
Людей... не негрів ... а таких,
Таки хрещених... но простих.

Самому Шевченко (вероятно, в силу некоторых особенностей его жизненного опыта и личности) едва ли могло быть известно возведение имама Шамиля и его семьи в российское дворянское достоинство, осуществлённое по указу Александра II. Пассаж о неграх в стихах Шевченко вызывает в памяти те страницы романа Марка Твена (его действие происходит в 1840-е годы) «Приключения Гекельберга Финна», где отец Гека Финна, безграмотный пропойца, впадает в пьяное бешенство, недоумевая, почему правительство не арестует мулата, осмелившегося пройти по улицам захолустного городишки в сюртуковой паре и белой сорочке с золотой часовой цепью...

В аспекте восприятия народов иных культур, религий и рас деятельность Тараса Шевченко как классика литературы Украины не могла не отражать границ понятий XIX века в их среднем для Европы качестве. Туда же довольно часто и едва заметно входил среднеевропейский националистически-колониальный стереотип, плавно перешедший, добавим, и в двадцатый век, – достаточно вспомнить того же Редьярда Киплинга, воспевшего превосходство белой расы. В одной из его баллад («The Grave of A Hundred Head») благородную смерть за интересы отечества предоставлено принять только лейтенанту из англий-

ской провинции, а солдаты-индусы, его дикари-подчинённые в экстазе дикарской преданности организуют карательную экспедицию против других дикарей, ответственных за гибель высшего существа, с наслаждением вырезая бирманскую деревню, убившую этого лейтенанта.

В современной Индии Редьярд Киплинг превратился в национального антигероя. Гении Пушкина, Лермонтова и Льва Толстого предвидят возникновение кипплинговского стереотипа, – и делают всё возможное, чтобы его сломать. Для них Кавказ, если воспользоваться словами

Г. Гамзатова «не служил объектом романтических созерцаний и ареной экзотических упражнений». Происходило подобное именно потому, что внимание русских писателей привлекала грандиозная проблема взаимопонимания людей разных наций и культур. Уже тогда она понималась ими чем-то, намного превосходящим чисто политические измерения минуты. И после Пушкина в культуре России окончательно становится физически невозможным любой провинциализм, любое ограничение в общественной жизни выгодами какой-либо одной нации. Для Мирзы Фаталы Ахундова, основоположника новой литературы Азербайджана и Ирана и крупнейшего деятеля ближневосточного просвещения XIX века, образ Пушкина явился символом противостояния монархическому деспотизму и религиозной нетерпимости. Традицию Ахундова в отношении к Пушкину в наше время продолжал и Гейдар Алиев, – в речи на открытии памятника Пушкину в Баку.

В наши дни нужно ещё и ещё раз осознать, что «мирообъемлющий гений», по словам Белинского, Пушкина принадлежит всей планете. Он представляет симфонию традиций, религий и культур России. Он хранит традиции классической Европы. Он открыт всему миру. Он излечивает души от безумия ксенофобии, фашизма и чёрной национальной ненависти.

Евгений ТАРЛАНОВ,
профессор.

г. Петрозаводск